

Армия Бэйфу

Сяо Жун невольно скосил глаза на гвардейцев и заметил, что те почтительно поклонились старику, а затем вновь замерли, устремив бесстрастные взгляды прямо перед собой. Смутная догадка о личности незнакомца промелькнула в голове, но юноша всё же с долей опаски последовал за ним.

В боковом павильоне никого не было. Старик плотно притворил дверь и принялся рассматривать Сяо Жуну с таким нескрываемым интересом, словно перед ним был его собственный внук.

— И впрямь, точно кусок безупречного нефрита, — старик вздохнул с какой-то странной горечью в голосе.

Сяо Жун замялся.

«Вроде бы похвалил, но почему прозвучало это так, будто его заживо оплакивают?»

Наконец старик представился:

— Моя фамилия Гао, имя — Сюньчжи.

Юноша, уже догадавшийся об этом, поспешно отвесил низкий поклон:

— Канцлер Гао!

Тот лишь небрежно отмахнулся:

— Полно тебе, какой там канцлер. Зови меня просто господином Гао. Иди-ка сюда, поближе.

С этими словами Гао Сюньчжи направился к стене. Этот павильон, как и главный зал, был почти пуст: на стенах висело несколько луков и куски выделанной кожи для ухода за оружием. Старик приподнял одну из шкур, под которой обнаружилась узкая, пропускающая свет щель.

Понизив голос до заговорщицкого шепота, он пояснил:

— В прошлом году Великий ван впал в неопишную ярость. Он перевернул стол, а затем в сердцах метнул копьё, которое пробило стену насквозь. Мастера попались безрукие, заделали плохо — вот и осталась лазейка. Самое то, чтобы послушать, о чём толкуют в главном зале.

Сяо Жун почувствовал, как мир вокруг него слегка пошатнулся.

— Помилуйте... — выдавил он. — Это ведь... против правил?

Гао Сюньчжи уже прищелкнул глазом к щели. Услышав вопрос, он с недоумением воззрился на собеседника:

— А подслушивать под самым носом у стражи — это, по-твоему, по правилам?

Сяо Жун осекся, мгновенно признав правоту канцлера, и тоже прильнул к стене. Стоит признать, отсюда голоса доносились куда отчетливее, чем из-за парадных дверей.

***

В главном зале, по ту сторону стены, шел напряженный разговор.

— Ты уверен, что это он? — голос Цюй Юньме был холоден как лед.

— Хоть мне и не довелось увидеть его воочию, — Юань Байфу отвечал твердо, — допросы подтверждают: среди тех простолюдинов, которых он подбивал на бунт, был человек с длинным шрамом на лице и заметной черной родинкой на правой руке.

Наступила тишина. Сяо Жун затаил дыхание, пытаясь разглядеть хоть что-то, но щель позволяла видеть лишь фрагмент пола.

— Где он сейчас? — наконец спросил государь.

В голосе Юань Байфу слышались нотки тревоги:

— Не могу знать, Великий ван...

— Когда он сбежал?

— После падения округа Шэньли. Эти люди скрылись под предлогом того, что им нужно доложить главе «Чистого ветра» о необходимости подкреплений.

— Так почему ты не приказал своей свите немедленно передать мне весть?!

— Великий ван, какой-то Ли Сюэнь не стоит того, чтобы...

Раздался оглушительный грохот, от которого Сяо Жун едва не подпрыгнул на месте. Гао Сюньчжи, не отрываясь от своего занятия, привычным жестом погладил юношу по спине. Движения его были столь ласковы, будто он был давно потерянным дедушкой книжника. Тот замер, не зная, как реагировать.

«Ну и ну...»

Он поспешил вновь сосредоточиться на разговоре.

— Юань Байфу! — Цюй Юньме почти сорвался на крик. — Ты мои приказы за собачий лай принимаешь?! Я велел: при любой вести о Ли Сюэхэне немедленно докладывать мне! Теперь он ускользнул, и как ты за это ответишь?!

Юань Байфу, судя по звукам, опустился на одно колено. Он поджал губы и быстро заговорил:

— Ли Сюэхэн — человек мелочный и мстительный. Все эти годы он метался как бездомный пес, прибываясь то к одним, то к другим, но нигде не задерживался надолго. Теперь он и вовсе опустился до того, что стал цепным псом «Учения Чистого ветра». Вы — Чжэньбэй-ван, вам не пристало бросать всё и нестись неведомо куда ради такого ничтожества!

— Я сам решу, что мне пристало, а что нет! Тебе ли указывать?!

Голос государя дрожал от ярости. Генерал стиснул зубы, сглатывая ответное возмущение, и склонил голову:

— Слушаюсь. Великий ван прав. Я превысил свои полномочия.

Цюй Юньме в бешенстве мерил зал шагами. Он жаждал крови этого предателя, но за столько дней тот мог уйти куда угодно. Единственная ниточка — «Учение Чистого ветра», но их последователи наводнили всю Центральную равнину.

От собственного бессилия государь пришел в неистовство. Он с размаху пнул стоящий рядом тяжелый стол так, что массивная ножка с хрустом разлетелась в щепки.

— Вон! — рявкнул он.

Юань Байфу не проронил ни слова. Он знал нрав своего господина: спорить сейчас — значит лишь подливать масла в огонь. Генерал быстро покинул покои, оставив Цюй Юньме одного. Но шум за стеной не прекращался. Сяо Жун с содроганием слушал, как в зале крушат всё, что попадает под руку. Когда, казалось, целой мебели в комнате больше не осталось, государь с грохотом распахнул двери и стремительно ушел прочь.

Сяо Жун почувствовал, как у него темнеет в глазах. Ноги стали ватными, и он едва не навалился на стену. Гао Сюньчжи тут же подхватил его под локоть, обеспоенно вглядываясь в лицо юноши:

— Господин Сяо, что с вами? Вам дурно?

Старик искренне испугался, не довел ли книжника до удара буйный нрав государя, и поспешил оправдаться:

— У Великого вана сегодня была веская причина для гнева, обычно он не такой... Прошу вас, не судите его строго...

Юноша, придя в себя, покачал головой:

— Всё в порядке, благодарю за заботу. Скажите, господин Гао... кто такой этот Ли Сюэнь, о котором они говорили?

Канцлер тяжело вздохнул:

— Десять лет назад... Десять лет назад он был командующим Армии Чжэньбэй. Вернее, тогда еще — Армии Бэйфу.

***

Знать историю — еще не значит знать людей, которые её творят. Имена немногих остаются на страницах летописей, большинство же истлевает в пыли веков вместе с плотью.

Ли Сюэнь был именно таким человеком, о котором Юань Байфу отозвался как о «ничтожестве». Всю жизнь он только и делал, что строил подлые козни, и то, что история его не запомнила, было вполне закономерно. Но кто бы мог подумать, какую роковую роль он сыграл в судьбе Армии Чжэньбэй?

Если бы не он, отряд «Чжэньбэй», созданный и названный так еще отцом Цюй Юньме, не был бы внезапно переименован в отряд «Бэйфу», превратившись из народного ополчения в послушных псов правящей династии.

Если бы не он, воины Чжэньбэй не знали бы столько лет нужды и лишений, не терпели бы насмешек от двора и великих кланов, которые считали их «сбродом из черни» и пушечным мясом, чьи жизни ничего не стоят.

Если бы не его жадность до власти, ветераны армии не гибли бы так стремительно в бессмысленных стычках. И старший брат Цюй Юньме — тот, кого годами готовили в

наследники, чьи таланты восхваляли все вокруг — не пал бы жертвой подлого заговора под копытами сяньбийской конницы.

Сяо Жуну было сложно прочувствовать эту боль до конца. Ему было всего девятнадцать, он никогда не был в подчинении и не знал, каково это — рвать жилы ради победы, пока твой начальник всеми силами тянет тебя на дно.

Гао Сюньчжи, прослышав о недавних успехах Сяо Жуна, проникся к нему глубоким доверием. Тот факт, что Великий ван прислушался к юноше, сделал книжника в глазах канцлера своим человеком. Старик не стал ничего утаивать и поведал всё, о чём не принято говорить чужакам.

Десять лет назад наступил переломный момент. После той кровопролитной войны от Армии Чжэньбэй осталось едва ли пять тысяч человек. Цюй Юньме, которому тогда было всего четырнадцать, буквально выкарабкался из груды трупов, чтобы возглавить уцелевших. Груз ответственности, который он не должен был нести, лег на его плечи. Конечно, Ли Сюэнь не приводил сяньби в эти земли, но смерть старшего брата государя была целиком на его совести.

Десять лет Цюй Юньме грезил о мести. И десять лет этот скользкий гад ускользал из его рук.

Гао Сюньчжи строго наказал Сяо Жуну: сегодня к государю ни ногой. Пусть перебесится в одиночестве. Завтра канцлер сам проведает обстановку и даст знать, можно ли идти на прием. Юноша согласно закивал, обещая быть пайнькой. Но едва старик скрылся из виду, Сяо Жун тут же отправился на поиски Цюй Юньме.

Голова всё еще шла кругом. Это могло быть связано с Ли Сюэнем, а могло и нет, но принцип Сяо Жуна гласил: лучше перестраховаться тысячу раз, чем упустить хоть один шанс.

***

Сяо Жун добрался до подножия заставы Яньмэнь. Столько времени прожив в округе, он впервые оказался так близко к этому легендарному укреплению. Задрав голову, он окинул взглядом величественную стену и, обреченно вздохнув, начал восхождение. К заставе он прибыл на закате, а когда наконец добрался до вершины, на мир уже опустилась ночь.

Честно говоря, юноша чувствовал, что отдал Богу душу как минимум на середине пути. Он тяжело дышал, прижимая ладонь к груди, и выглядел так, будто вот-вот испустит дух прямо здесь, на камнях. Именно поэтому стражники на стенах даже не пытались его остановить. Они лишь провожали его подозрительными взглядами, гадая, что этому доходяге здесь понадобилось.

Впрочем, подходить к нему никто не спешил — все боялись, что Сяо Жун рухнет замертво от одного прикосновения, а их потом сделают крайними в смерти книжника.

Цюй Юньме сидел на самом открытом участке надвратной башни, устремив взор на север — туда, где за горизонтом лежали земли сяньби и их столица, город Шэнлэ. Государь хмурился, погруженный в тяжкие думы. Его мрачное безмолвие нарушил странный звук, доносившийся откуда-то снизу.

— Х-хы... х-ху-у... я... я точно здесь помру...

Цюй Юньме нахмурился еще сильнее и подошел к лестнице. На повороте он увидел жалкое зрелище: какой-то человек буквально висел на парапете. Верхняя половина туловища лежала на камнях, а ноги безжизненно свисали вниз, точно сырая лапша. Полежав так мгновение, бедолага собрался с духом и попытался подтянуться выше. Увидев стоящего наверху государя, он вдруг просиял:

— Великий ван! Великий ван, погодите секунду! Я сейчас... я сейчас поднимусь!

Цюй Юньме промолчал. Если ждать, пока тот доползет, небось, уже и рассветет.

Глядя на Сяо Жуна, лицо которого блестело от пота, государь постоял немного с мрачным выражением лица, но в итоге всё же снизошел до помощи. Он протянул руку и бесцеремонно втащил юношу наверх.

Сяо Жун, окончательно лишившись сил, позабыл о всяком этикете. Как только он коснулся крепкого плеча государя, его тело окончательно превратилось в кисель. Он бессильно привалился головой к широкой груди Цюй Юньме. Тот был одет легко, и через тонкую ткань юноша почувствовал жар его тела. Государь в тот же миг одеревенел, вытянувшись в струну.

Сяо Жун продолжал надсадно дышать, точно загнанный пес. Заметив, что государь не шевелится, он с трудом повернул голову:

— Великий ван... почему мы стоим?

Едва они оказались на ровной площадке, Цюй Юньме опустил взгляд. Увидев затуманенные, влажные глаза Сяо Жуна, сверкающие в лунном свете, он отпрянул так, словно прикоснулся к чему-то нечистому. На его лице отразилась крайняя брезгливость.

— Слабакам не место на крепостных стенах! — в его голосе сквозило неприкрытое презрение.
— Я смотрю, ты слишком редко харкаешь кровью, раз ищешь приключений на свою голову!

Сяо Жун только и смог, что изумленно моргнуть.

«Вот уж воистину — настроение у этого человека меняется быстрее, чем погода в степи!»

<http://bllate.org/book/15355/1416595>